

Н. И. ЛЕБЕДЕВА и Н. П. МИЛОНОВ

ТИПЫ ПОСЕЛЕНИЙ РЯЗАНСКОЙ ОБЛАСТИ

(По документам Рязанского областного архива и Научного архива Рязанского краеведческого музея)

Изучение планов селений, размещение жилых и сельскохозяйственных построек, их взаимная связь, их связь с топографическими условиями, социально-экономической жизнью населения — все эти вопросы давно побуждали поставить комплексное и сравнительное изучение поселений перед археологами, этнографами и историками русской деревни. Но этой теме менее посчастливилось, чем другим.

Начиная изучение планов поселений русских, народа, прошедшего долгую и сложную историю, этнограф и историк наталкивались на ряд затруднений, например, на трудность охватить и осмыслить подчас сложный план большого селения, невозможность произвести в каждом отдельном случае топографическую съемку, готовые же планы XVIII—XIX вв., эти ценнейшие документальные материалы, найденные нами в рязанских архивах, еще не были известны. Этнограф, изучающий селения в XX в., в Рязанской области при полевой работе имел лишь дело с селениями в таком виде, какими их сделала перепланировка XIX в. Они отражали основные особенности социально-экономической структуры деревни после реформы 1861 г. Правда, на них остались черты старого плана (круговые площади, остатки радиального расположения улиц, размещение отдельных частей селения по буграм), но они были уже так затушеваны перепланировкой, что едва улавливались.

Первый указ о перестройке селений в связи со строительным уставом был издан в 1722 г. В 1773—1774 гг. проводилось генеральное межевание помещичьих земель, перепланировка городов (перепланирована была и Рязань). Перепланировка селений в Рязанской области началась в 1830—1840-х гг. в селах казенных и коннозаводских крестьян, а после реформы 1861 г. в селениях помещичьих крестьян. Согласно строительному уставу, проведены были параллельные и перпендикулярные улицы, прожоги (переулки), широкие дороги, нарезаны были усадебные места для дворов, хозяйственных построек и риг, огороды, конопляники. Заглянуть в глубь веков, проследить историю села при этих условиях было трудно.

Итак, за отсутствием материала, эта интереснейшая тема оставалась в стороне.

В 1949 г. авторами настоящей статьи найден в Рязанском областном краеведческом музее (инв. № 1382) архив умершего санитарного врача П. Ф. Кудрявцева, который, сначала по заданиям Рязанского губернского земства, а потом облздравотдела, в течение многих лет собирал материал по вопросам снабжения населения питьевой водой. Он рассылал анкеты с просьбой вместе с ними по заполнении присылать планы селений — топографические и схематические. С 1917 г. планы селений, составленные межевой канцелярией Рязанского губернского правления, потерявшие юридическую значимость, посылались к нему в

большом количестве. Попали к нему и планы страхового отдела Рязанского губернского земства, составленные учителями по специальному заданию оценочного отделения земства.

Весь фонд Кудрявцева содержит 1494 единицы хранения: планы топографической съемки и около 1000 планов схематических, что при $3\frac{1}{2}$ тысячах селений области охватывает около 70% территории.

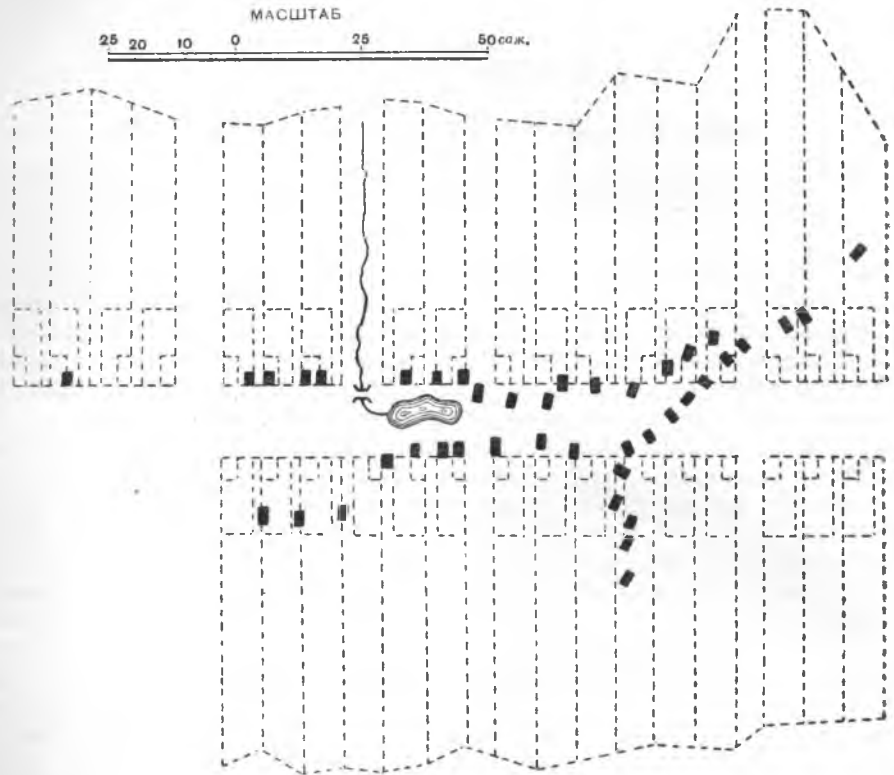

Рис. 1. План деревни Яковлевой бывш. Егорьевского уезда, 1853 г. (Рязанский краеведческий музей). Образец плана земельного отдела Рязанского губ. правления. Старый план — круговой, соединенный с концевым; новый — линейный в два порядка (пунктиром)

Планы собрания Кудрявцева могут быть разделены на три группы: 1) планы Палаты государственных имуществ и губернского правления 1830—1890-х гг., масштабом 25—50 саж. в дюйме, составленные землемерами; 2) планы страхового отдела Рязанского губернского земства 70—90-х гг. прошлого века, составленные учителями, масштабом 50 арш. в дюйме; 3) схематические планы, составленные учителями от руки в конце XIX и в начале XX века.

Первые составляют особенную ценность. На них нанесены планы «существующие» и проектируемые, последние нанесены пунктиром (рис. 1 и 2). Существующие планы, поражающие своей примитивностью, отстоящие от нашего времени на 100 лет, являются документальным материалом, демонстрацией того, чем были наши деревни до перестройки. Некоторые села имеют при себе планы угодий (мелкие по б. Егорьевскому уезду); на многих планах обозначены социальные группы селения: помещичьи крестьяне, дворовые, однодворцы и др. Встречаются названия урочищ, болот, оврагов, рек — материал, имеющий значение для изучения топонимики области, связанный с говором населения, ценный для изучения ранней истории Рязанского края.

Вторые дают уже перестроенные селения (рис. 3); на них хорошо обозначено размещение хозяйственных построек (можно прокартографировать распределение по области южновеликорусских селений), наличие бань, овинов, каменных и деревянных домов, хлебных магазинов, а также названия улиц, рек, оврагов, нередко и списки всех обитателей села.

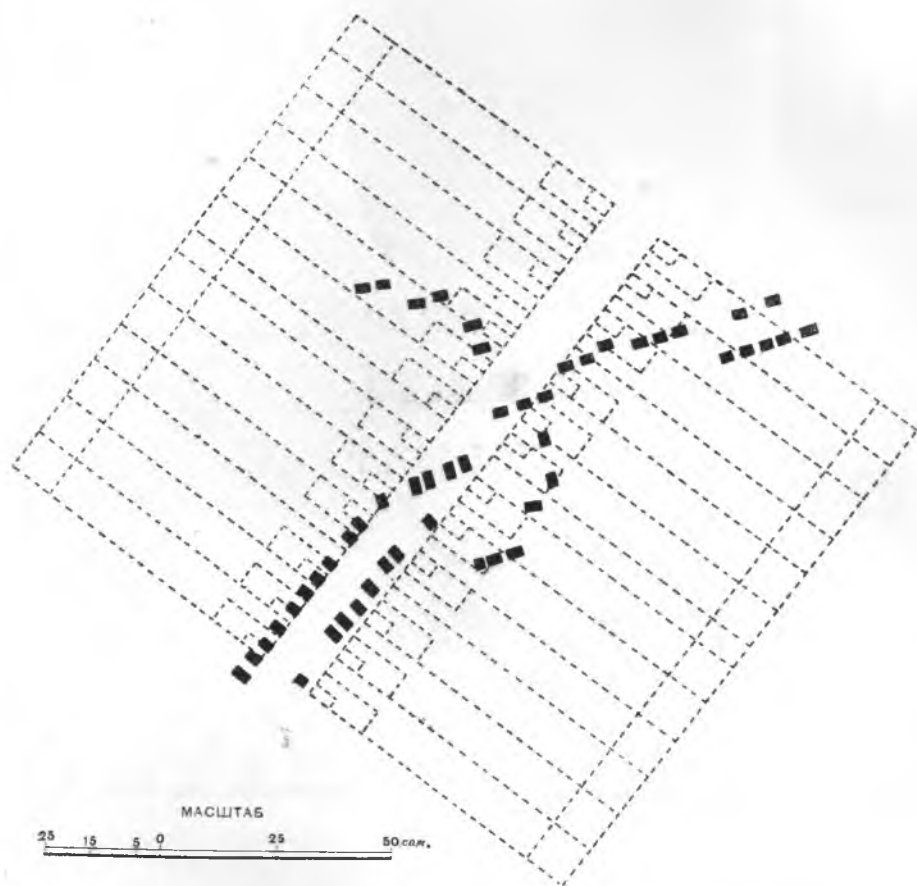

Рис. 2. План деревни Казыкиной бывш. Егорьевского уезда, 1822 г. (Рязанский краеведческий музей). Старый план—концевой, новый—в два порядка—линейный (пунктиром)

Третьи являются дополнительным материалом и ориентировочно дают материал для картографирования типов селений области. Планы многих селений, прокартографированных по схематическим, были позднее найдены в областном архиве, и наши выводы по ним подтвердились точными топографическими планами 1774 года.

Фонд межевой канцелярии Рязанского областного архива включает в себе около 15 тыс. (?) единиц хранения. Поскольку фонд не описан, трудно говорить о полном его содержании. По просмотренным двум тысячам планов фонд может быть разделен на три группы.

1. Планы межевания 1773—1791 гг. Это планы угодий, но на них нанесены и деревни, имеются названия рек, урочищ, оврагов. Само выполнение планов очень примитивно, плохая экспликация, часто трудно понять, какие строения нанесены. Но, несмотря на это, среди них попадаются прекраснейшие образцы планов, демонстрирующие крепостную деревню и помещичью усадьбу, город XVIII в. (Касимов,

Рис. 3. План села Свинчус бывш. Касимовского уезда, 1898 (Рязанский краеведческий музей). Образец плана страхового отдела губернского земства. Риги вынесены в одно место

Пронск, Данков), селения казенных крестьян Пронского наместничества с их круговыми планами.

2. Планы Казенной палаты и Губернского правления.

3. Планы Губернского страхового земства.

2-я и 3-я группы аналогичны планам фонда Кудрявцева, хранящегося сейчас в Рязанском краеведческом музее.

Материалы обоих архивов дают большой массовый материал по всей области, кроме районов, прирезанных от Тамбовской губернии (этот материал нужно искать в Тамбовском областном архиве). Они дают возможность установить типы поселений области с 1774 по 1915 г., составить карты распространения наиболее ценных из них, проследить социально-экономическую структуру наших сел на протяжении ряда веков, описать некоторые архаизмы в планах, идущие чуть ли не от времени возникновения села. Мы имеем возможность составить микрокарты распространения южновеликорусских планов селений, бань, овинов, названий русских и нерусских селений, урочищ, рек и пр. А весь этот материал даст возможность подойти к вопросу этногенезиса населения Рязанской области.

Все планы — документальный материал. Это — документы-засъемки определенного времени на определенной территории. Обычно этнографов

упрекают в том, что собранный ими материал — собственные наблюдения, рассказы населения, материал, носящий отпечаток субъективности. Здесь вполне объективный материал. Жаль только, что материал отвечает не на все вопросы, волнующие этнографа при изучении селений (неясен вопрос с дворами, нет намеков на внутренний план дома).

Планы селений разнообразны. Многие очень сложны. Ни в этнографической, ни в археологической литературе установившихся классификаций типов поселений не имеется. Существующая классификация Семенова-Тянь-Шанского характеризует селения по связи с географическими условиями¹. Классификация имеет свою ценность, но не исчерпывает всех особенностей поселений. Главным недостатком ее является то, что игнорируется историческое развитие поселка и социально-экономический фактор этого развития.

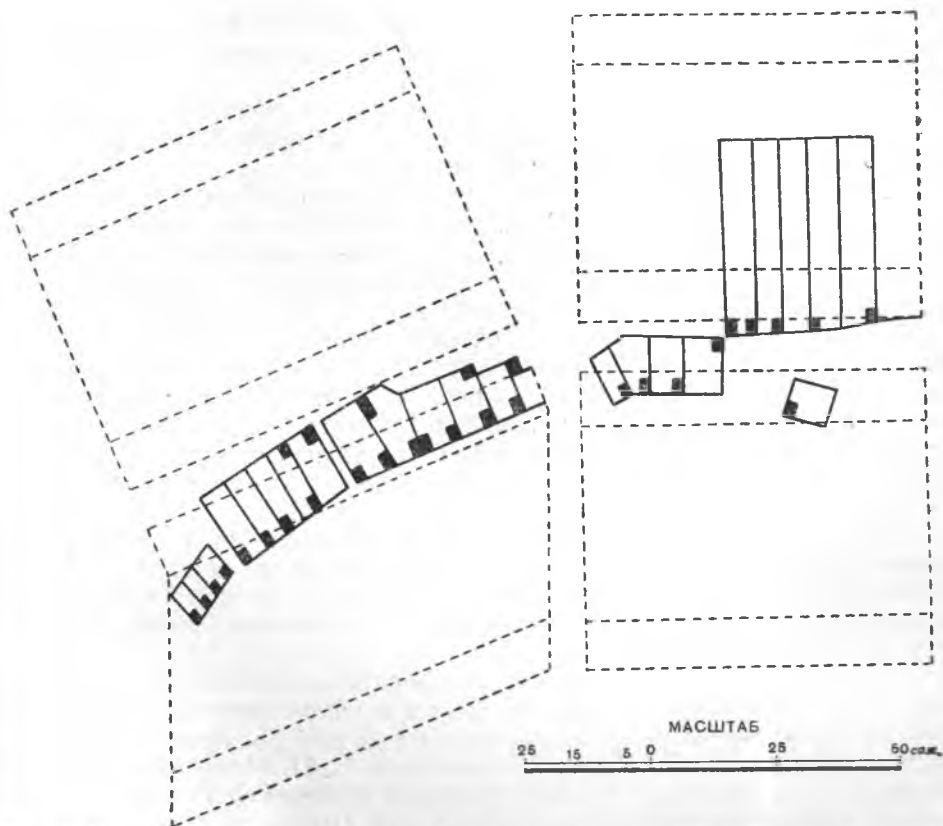

Рис. 4. План деревни Титовской бывш. Егорьевского уезда, 1862 г. (Рязанский краеведческий музей). План, дуговой, гнездами, по типу средневеликорусской застройки

Данная В. П. Семеновым характеристика² селений русской черноземной полосы, в том числе и южной части Рязанской области, касается лишь селений в том виде, какими они стали после перестройки во второй половине XIX в. Считая отличительной чертой русских селений их уличный план, т. е. расположение построек длинной улицей, он демонстрирует три плана рязанских селений: односторонний, двусторонний и звездообразный. Предлагаемая нами классификация, исходящая главным образом из планов селений XVIII и первой половины XIX в. до их

¹ В. П. Семенов-Тянь-Шанский, *Город и деревня в Европейской России*, СПб., 1910.

² В. П. Семенов, *Россия*, т. 2, СПб., 1902, стр. 173—174.

перестройки, является пока лишь рабочей классификацией, лишь понемногу приближает к вопросу классификации типов русских поселений и намечает пути к дальнейшему изучению. В основу своего описания мы кладем форму поселений, рельеф местности, связь с историей края с социально-экономическими условиями и сравнительное историческое развитие каждого типа селения.

По форме поселки разделяются на кучевые (гнездовые), круговые и линейные.

Для кучевых селений характерно то, что строения расположены группами, кучками и нередко на порядочном расстоянии друг от друга. Очень часто эти кучки размещаются по отдельным буграм (см. план селения Нармушадь)³, в других случаях дугой (рис. 4), в третьих стремятся объединиться в круг⁴, в четвертых — разбрасываются без всякого порядка (рис. 5 и 6).

Рассматривая все эти поселки в их историческом прошлом по социальному составу населения, мы можем их разделить на несколько групп, идя от дореволюционного времени:

1. Помещичья усадьба и группа крестьянских домов. Селение имеет несколько помещиков, отсюда и несколько гнезд крестьянских поселений (Кумино, Пономаревка, Панфилово, Тарпино).

2. Однородческие селения южных районов области. Строения расположены группами при усадьбах. Подворное владение усадьбами однодворцев при разрастании семьи к XIX в. приводило к наличию этих кучек домов (Никольская слобода, Напольное, Воршево, Колыбельское — теперь районный центр Рязанской обл.).

3. Селения казенных крестьян очень древние по времени возникновения, например, Тырново, Нармушадь. Как мы видели, возникновение кучевого плана у однодворцев было связано с разрастанием семьи; аналогичный процесс можно предполагать и у жителей с. Тырново⁵. Это, вероятно, родовые гнезда, объединившиеся уже в сельскохозяйственную «вервь», поскольку в размещении домов и усадеб имеется явная тенденция к круговому плану.

Что же касается с. Нармушадь, то расположение на изолированном мысе сближает его с городищами дьякова типа, а само размещение строений близко к расположению землянок на известном Огубском городище Калужской области, на Городецком городище Рязанской области (раскопки В. А. Городцова).

Исходя из размеров строений, из масштабов планов на указанных городищах, можно говорить здесь только о жилых домах. А если это так, то возникает вопрос: где же скотные дворы? Возможно, стоят отдельно. При раскопках Пронского городища Н. П. Милонов обнаружил скотные дворы, стоящие отдельно от жилых помещений (XI в.). В с. Запесочье (Туровщина, БССР) в 1930 г. Н. И. Лебедевой были обнаружены скотные дворы, расположенные отдельными кварталами вдали от жилых помещений, что надо считать пережитком. Отсюда соединение жилого дома с помещением для скота — явление позднего времени, тем более, что во время летней пастбы скота в лугах и лесу в Рязанской области и в Туровщине скот загонялся в отдельно отгороженные пространства, общие для всех. Весьма вероятно, что и зимой скот содержался вместе. Нагромождение жилых помещений по отдельным буграм, имеющее место в с. Нармушадь, отделение скотных дворов от жилых — все эти черты поселка позволяют говорить об одном из древних типов поселений Рязанской области.

³ См. Н. П. Милонов, Основные источники и приемы изучения истории сел и городов Рязанской обл., Рязань, 1950.

⁴ См. там же.

⁵ План с. Тырново б. Пронского у., Научный архив Краеведческого музея, № 1382/64.

Рис. 5. План селения Воршево бывш. Сапожковского уезда, 1877 г. (Рязанский краеведческий музей). План — гнездовой и криволинейный

Рис. 6. План села Кумино Скопинского уезда. Застройка по буграм, гнездами. На плане обозначены мелкие помещики и их крестьяне, купцы и разночинцы, 1875 г. (Рязанский краеведческий музей)

Возможно, что в прошлом происхождение кучевого плана связано с родовыми отношениями. Прослеживание его при раскопках дьяковских городищ и картографирование его по материалам наших планов дадут материал к изучению истории коренного населения области.

Круговые селения. Заборский при описании польских селений под этим планом понимает лишь селения в виде геометрического круга, выделяя при этом, как мы думаем, искусственно в особую группу «овальные селения». Мы же под круговым планом понимаем не геометрически правильный круг, а размещение построек вокруг какого-либо центра: озера, выгона, пашни, церкви, кладбища, базара или даже военного командного центра. Тем самым ставится вопрос об источниках и исторических условиях возникновения всех возможных вариантов кругового плана.

Расположение селения вокруг озера диктовалось прежде всего стремлением иметь питьевую воду, а также рыбными ловами. Правда, озера эти маленькие, но на то, что они имели значение для лова рыбы, указывает нередко само их название. Известно, что сама Рязань (современная) возникла вокруг «Карасева озера» на высоком мысе при слиянии р. Лыбеди с р. Трубежом. Примером селения, расположенного вокруг озера, может служить деревня Старо-Васильева б. Егорьевского у. (рис. 7). Таких селений немало в Егорьевском районе, в Пронском (с. Городецкое, 1861; Малинищи, 1864; Студенец), в Спасском районе — Сумбулово, Половское, 1882, и др. Примерами селений, расположенных вокруг выгона, могут служить села — Степановское и Троица-Поляница б. Спасского уезда Рязанской губернии.

Преобладающее число селений расположено вокруг пашни, конопляников и огородов, между которыми или остается выгон, или получается сплошь распаханное пространство (рис. 8). В середине селения — выгон, окаймленный огородами или конопляниками, далее полоса строений, за ними вторая полоса строений с огородами. Этот план усложнен вторым рядом строений, возникших на огородах; при семейных разделах усадеб поделались на две части. Но в фондах Рязанского областного архива имеются планы с одним рядом строений и пахотной землей по обе стороны их (Букрино). Примером расположения строений вокруг сплошь распаханной земли является план с. Остропластикова⁶. Все дома и усадьбы крестьян расположены по линиям вокруг двух четырехугольников, в середине которых находятся огороды.

Существование такой планировки и в ряде других селений (погост Уньково и др.) позволяет сделать вывод, что здесь сказывается старая традиция.

Энгельс считал, что сначала земледелие было в форме огородных культур — хлебные злаки возделывались около домов⁷. Само слово огород — ограда, огражденное место. Цепь домов, возможно, и была той оградой, которая отделяла освоенную обработанную землю от неосвоенной. Внутри цепи домов в XVIII в. находились конопляники или огороды, а ранее, возможно, были посевы хлебов.

Круговые селения вокруг церкви моложе селений, расположенных вокруг пашни и озера, но некоторые из них могут быть датированы XI в., например, Печерники б. Михайловского уезда Рязанской губ. Это — бывший город, известный уже в XI в. К этой группе селений относится Осово, около которого известны курганы и городище XI в., и др.

Расположение селения вокруг кладбища приходится признать еще более поздним, хотя не исключена возможность, что кладбище вноси-

⁶ Н. П. Милонов, Указ. раб., план № 2.

⁷ См. Ф. Энгельс, Происхождение семьи, частной собственности и государства, Госполитиздат, 1945, стр. 182.

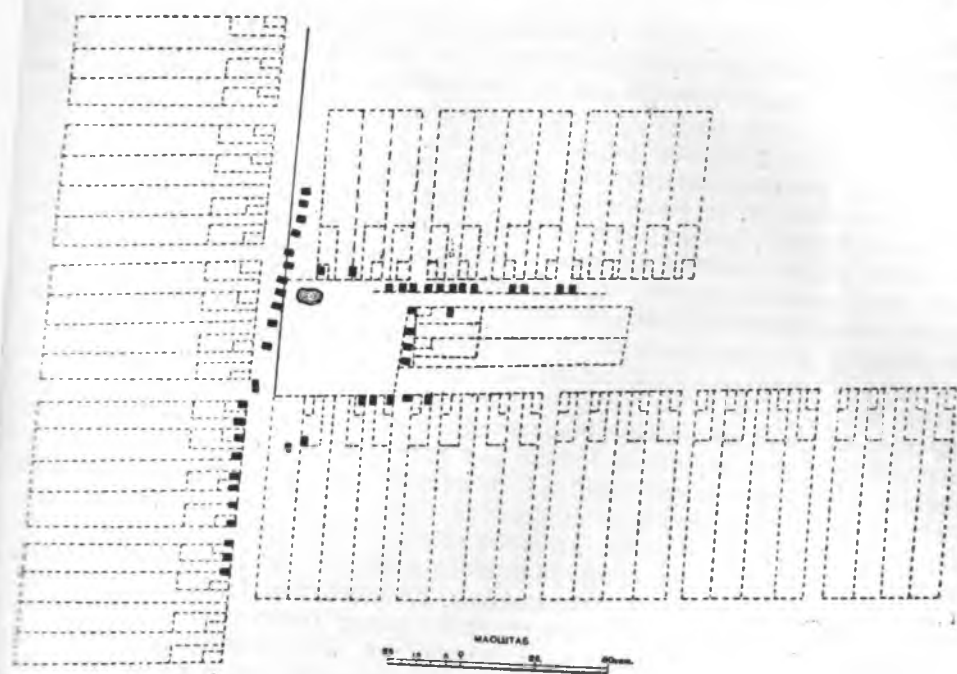

Рис. 7. План деревни Старо-Васильева бывш. Егорьевского уезда, 1878 г. (Рязанский краеведческий музей). План — круговой, вокруг озера, с концами

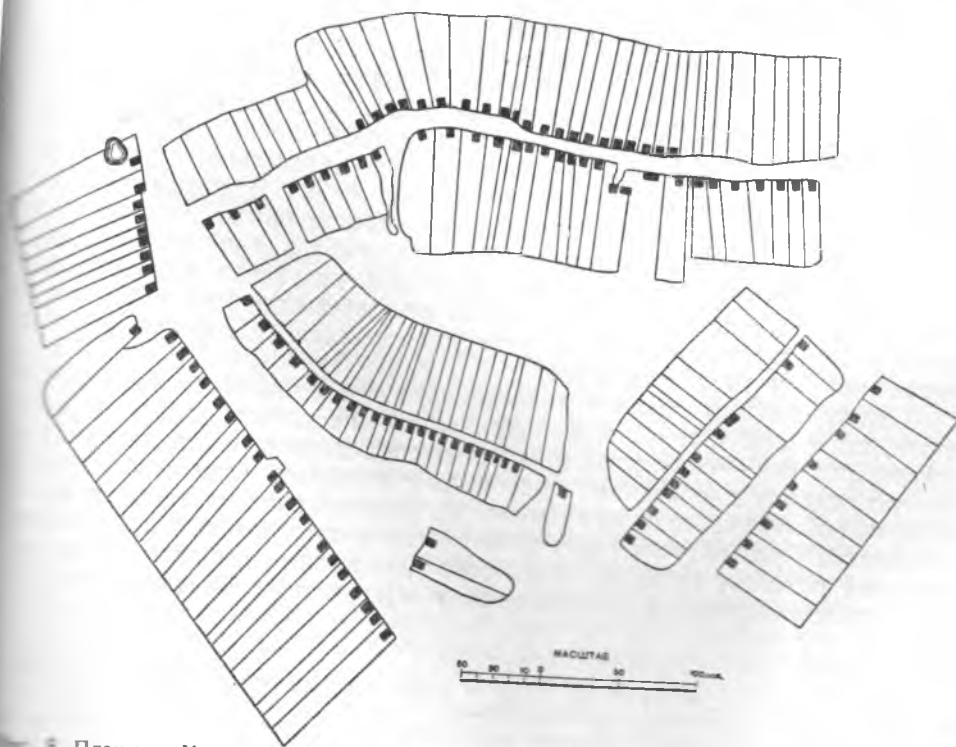

Рис. 8. План села Карповского бывш. Пронского уезда, 1861 г. (Рязанский краеведческий музей). План — круговой, вокруг пашни

лось в уже существующее круговое селение. До XIV в. рязанцы хоронили в курганах, которые выносились за пределы селения. У церквей могли хоронить духовных и людей господствующего класса, так как они перешли ранее к новому обычаю погребения (гробницы рязанских князей в храмах и у храмов Старой Рязани).

Особое место в планах селений Рязанской области занимают дворовые планы, т. е. расположение домов вокруг площади, на которой имеются церкви, лавки, хозяйственные общественные амбары, общественные сараи, иногда кузницы, мастерские. Наиболее ярко выраженный тип поселка-погоста, сохранившего в своем плане архаические черты, относящиеся к древнему погосту, представляют два примера. Один — погост Ялмонт (рис. 9) б. Егорьевского уезда (аналогичный ему погост Қолычево), когда вокруг правильного четырехугольника — площади, на которой стоит церковь, размещены жилые строения. Этот тип погоста соответствует тому назначению, о котором говорит Лаппо-Давыдовский, утверждая, что в Рязанском уезде погост является исключительно религиозным центром⁸. Но исключительно религиозным центром Рязанский погост, главным образом на севере от Рязани и Зарайска, стал только в XVI—XVII вв., и в писцовых книгах этого времени насчитывается около 50 погостов, расположенных в Рязанском, Ряжском, Пронском, Михайловском, Егорьевском, Касимовском, Спасском уездах⁹. Границы распространения этих погостов резко совпадают с границами 2-й засечной черты Московского государства. Как религиозные центры, они находятся в черте владений архиерейской кафедры и рязанских монастырей, и не случайно, что в районе этих погостов часто были «борьбы ухажай» и «бобровые гоны», принадлежавшие архиерею и монастырям. Поздние погосты этого типа становятся бесприходными, теряют значение религиозных центров.

Вторым примером плана поселка-погоста может служить Дмитриевский погост б. Егорьевского уезда. На плане № 7, изданном в книге Н. П. Милонова¹⁰, отмечены в центре 22 лавки, расположенные в два ряда, а по краям площади стоят жилые дома. Служная слобода Егорьевского уезда и с. Ухолово дает картину размещения лавок, жилых построек вокруг лавок, хотя они не являются старыми погостами, а известны как позднейшие базарные центры. В плане Дмитриевского погоста и ему подобных мы видим значение погоста как не столько религиозного, сколько торгового центра для всей округи, тянувшейся к нему.

В связи с этими двумя основными типами рязанских погостов, выявляющимися по планам XVIII и XIX вв. небезынтересно коснуться самой истории возникновения и развития погостов в древней Руси и отражения ее в Рязанском крае.

Погост, в самом древнем значении этого термина, — место стоянки князя, его свиты при объезде подвластного населения, при взимании подати, позднее — совокупность крестьянских дворов, составляющих податную единицу и обязанных содержать и снабжать всем необходимым князя или сборщика дани во время его пребывания в погосте. Известно, что в Киевской Руси погосты были установлены княгиней Ольгой, проводившей, как полагает проф. С. В. Юшков¹¹, серьезные финансово-административные реформы. Действительно, в Лаврентьевской летописи под

⁸ См. С. Б. Веселовский, Село и деревня в Северо-восточной Руси XIV—XVII вв., ГАИМК, М.—Л., 1936, стр. 14—17.

⁹ Н. П. Милонов, Об изучении археологических памятников и истории сел и городов, Рязань, 1949.

¹⁰ Н. П. Милонов, Основные источники и приемы изучения истории сел и городов.

¹¹ С. В. Юшков, Общественно-политический строй Киевского государства, М., 1949, стр. 108.

946 и 947 гг. так говорится о погостах и реформах Ольги: «в лето 6455 иде Вольга Новгороду и устави на Мсте погосты и дани и по Лузе оброки и дани; ловища ее суть по всей земли, знамения, и мест и повосты, и сани ее стоять в Плесковне и до сего дни и по Днепру перевесища, и по Десне, и есть село Ольгино и до-селе». В этом известии летописи, сообщающем, в частности, и о погостах, не упоминает-

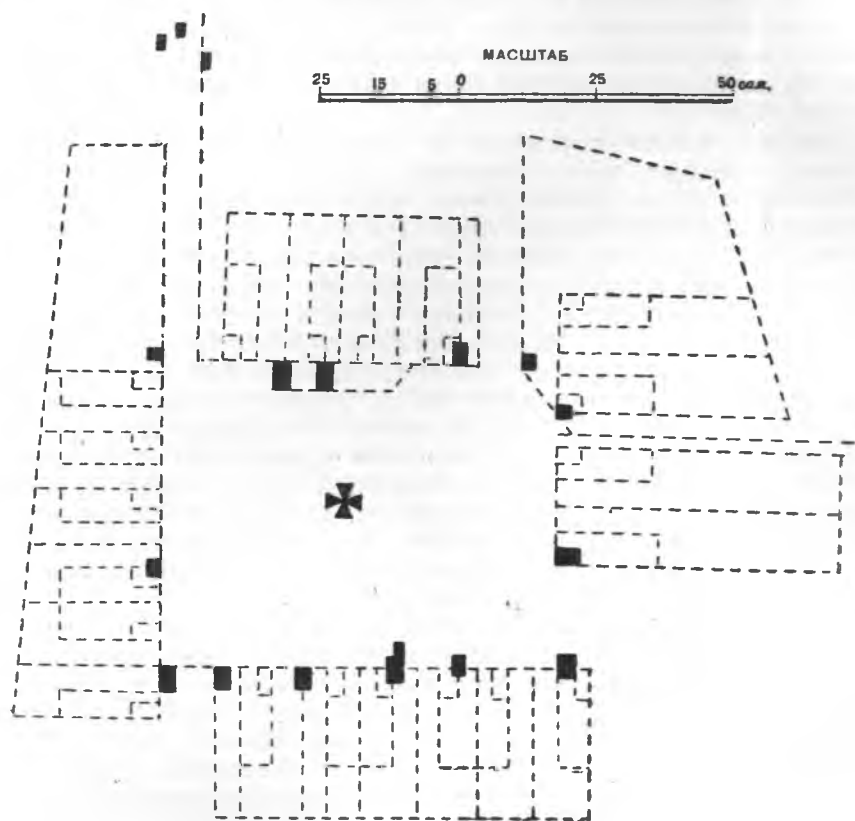

Рис. 9. План погоста Ялмонт бывш. Егорьевского уезда (Рязанский краеведческий музей)

ся Волго-Окское междуречье и Ока, верхнее и среднее течения которой принадлежали вятичам. До похода Святослава на вятичей, т. е. до 964 г., вятичи дань платили хозарам, и естественно поэтому, что в 946—947 гг. здесь не могло быть установлено Ольгой погостов. Но после того, как вятичи стали платить дань Святославу, т. е. после 964 г. погосты и здесь не могли не быть установлены, ибо Святославу, сидевшему в Киеве, невозможно все же было часто бывать в земле вятичей, и дань в его отсутствие, вероятно, собирали его наместники, сидевшие в укрепленных городищах, представляющих собой поселки — центры определенной сельской округи. Поэтому большинство исследователей ставят возникновение погостов в связь не с торговлей, а с установлением оброков и даней¹². Впоследствии такие погосты становятся административными центрами и торговыми факториями и в ряде случаев центрами религиозными. В качестве такого раннего укрепленного пункта, игравшего роль погоста, центра для сбора дани с окрестного населения, известен на берегу Оки, недалеко от Рязани, в конце X в. городок

¹² Казаков и Шаскольский, Русь и Прибалтика XVII в., Л., 1945, стр. 16

Хозарь (ныне село Козарь Солотчинского района Рязанской области). Это — укрепленный пункт Хозарского каганата в земле вятичей, плативших дань хозарам. При археологических обследованиях Козарского городища и селища обнаружен был слой, содержащий керамику, близкую к той, которую считают типичной для культуры хозар. В летописи (Воскресенской) Козарь упоминается под 1147 г. как древнерусский город. Археологическими обследованиями отдельно в более верхнем слое обнаружена керамика XI—XII вв. Козарь преемственно от хозар делался древнерусским городом, где, возможно, сидел наместник Рязанского князя. Подобные пункты под названием «Козарь» известны и в Тульской области¹³.

Известны 4 погоста-городка в Рязанской области, на берегах р. Прони, в которых князь Всеволод III Большое гнездо, победив рязанских князей, посадил своих наместников. Это — Толпино на Проне, Ижеславль на Жраке (приток Прони) и др., являвшиеся славянскими городищами. Итак, план погоста ведет свое начало от X—XI вв., а как пережиток сохраняется в захудалых погостах в XIX веке.

Возникновение селений с круговым планом известно в нашей области и в более позднее время. Перед нами план селения Полково (Солотчинского района). Оно возникло при Петре I, здесь был расселен полк¹⁴. Одна часть селения представляет собой группу усадеб, размещенных вокруг одной центральной усадьбы, возможно, командира полка.

Круговые планы, известные со времен трипольской культуры¹⁵, на нашей территории пока твердо связываются со временем славянских культур; наиболее древних их датировок, за отсутствием археологических данных, мы пока дать не можем. Но о связи круговых планов со славянскими археологическими памятниками можно говорить определенно по отношению к территории Рязанской области.

Как показывает составленная нами карта распространения круговых планов селений (рис. 10), из которых большая часть по своему происхождению связывается с древнеславянским населением, основной территорией их распространения является территория Рязанского княжества, т. е. треугольник, ограниченный реками Окой, Проней, Осетром.

Основная масса вятических и частично кривических древнерусских курганов, городищ, селищ, городов, исследованных археологами, относится к этой территории.

Сопоставляя две карты — размещения археологических памятников и распространения круговых планов, мы видим, что нередко наличие кругового селения совпадает с наличием славянского городища, раскопанных курганов, славянского селища. Такое совпадение отмечено в Катагощи Захаровского района, Осове, Дятлове б. Зарайского уезда. Печерниках б. Михайловского уезда и во многих других случаях. Все эти памятники датируются XI—XII веками.

Исключение представляют курганы и селище в Алканове (курганы раскопаны были В. А. Городцовым в 1896 г.)¹⁶, известные по находке там сосуда с рунической надписью. Очень мало было известно о славянских и древнерусских селищах, если не считать упоминания о них в отчетах В. А. Городцова. Это привело к тому, что в истории славян местного края (бассейн средней Оки) оставался совершенно не ясным вопрос о наличии их здесь в промежуток времени между крайней датой позднедьяковской культуры (по датировке В. А. Городцова) — V в. н. э. и ран-

¹³ Писцовые книги XVI в., под редакцией Н. В. Калачова, отд. 2-е, часть I, СПб., 1877, стр. 1165.

¹⁴ Добролюбов, Историко-статистическое описание церквей и приходов Рязанской губ. Рязань, 1899.

¹⁵ Т. С. Пассек, Трипольская культура, «Вестник древней истории», 1938, № 1/2, стр. 265.

¹⁶ Коллекция Рязанского музея.

ней датировкой исследованных славянских курганов XI в. Сосуд с рунической надписью, найденный Городцовым, и Алекановское селище, обследованное Н. П. Милоновым в 1948—1949 гг., отодвигают эти даты к VII—VIII вв. Культурный слой славянского селища на Алекановской дюне содержит очень характерную славянскую керамику. Она характеризуется следующими признаками: 1) сосуды изготовлены без гончарного круга; 2) венчики сосудов заметно отогнуты наружу, а плечики слегка выпуклы; 3) днища сосудов толстые с шероховатой наружной поверхностью. Эти сосуды по технике лепки близки к позднедьяковской культуре, по устройству шейки и стенок примыкают к сосудам из славянских курганов с трупосожжением. Культурный слой этого селища отложился на позднедьяковском слое, залегающем в свою очередь на слое, содержащем сетчатую дьяковскую керамику.

В указанном слое славянского селища найдены металлосплав и куски железной руды. Металлосплав содержит в составе свинец и немного олова, а химический анализ железной руды дает следующий ее состав: качественный — железо, двуокись кремния, воду; количественный — 33,44% чистого железа. Нахождение здесь кусков железной руды, железных ножинок с изогнутым лезвием и других железных вещей свидетельствует о том, что металлургия складывалась здесь очень рано в самостоятельный вид производства. Дальнейшее изучение этого селища даст возможность выявить тип жилищ, возможно, форму и самого поселка, а это будет особенно интересно, поскольку в позднейшее время мы видим здесь следы круговых селений (Дубровичи, Поляны, Мурмино, Коростово и др.; в Коростове найдена керамика X в.).

Вторая группа круговых селений расположена южнее течения р. Прони, около Скопина и идет полосой параллельно течению Дона по обе его стороны и несколько в стороне от него. Около Скопина были раскопаны Милоновым Маклаковские курганы и найден ряд славянских городищ, говорящих о пребывании здесь вятичей в XI в. Но самая долина бассейна верхнего Дона до сих пор остается неизученной.

Кроме того, необходимо отметить, что в соседних районах Подонья и верхней Оки, как это отмечает П. Н. Третьяков, распространены славянские археологические памятники IX—X вв., о чем сообщали и арабские писатели, например Гаркави¹⁷.

Наличие круговых селений и отдельных археологических памятников в южных уездах области и особенно в Рязанском Подонье говорят о том, что часть древних вятических племен на территории Рязанского края развивалась гораздо раньше XI в. и явилась автохтонным населением, именно в районах, тяготеющих к верховьям Дона. Дальнейшие археологические исследования уточнят решение этого вопроса в отношении территории Рязанской области.

Надо учесть, что на Дону зарегистрирован ряд славянских городищ, а именно: Барятинское¹⁸, Стрешневское¹⁹, Дубок²⁰, Ярославы²¹ и др.

Наличие круговых планов и археологических памятников в бассейне Дона подтверждает давно уже поднятый вопрос об особой группе

¹⁷ Сказания арабских писателей о славянах и русских, СПб., 1870, стр. 12; Н. Третьяков и П. П. Ефременко, Древнерусские поселения на Дону, «Материалы и исследования по археологии СССР», 1948, № 8, стр. 8.

¹⁸ Карта археологических памятников Рязанской области по археол. каталогам Рязанского музея.

¹⁹ Там же.

²⁰ Там же.

²¹ Там же.

Раскопки П. П. Ефименко и П. Н. Третьякова на среднем Дону в Боршеве дали основание исследователям утверждать, что они обнаружили археологические памятники вятичей VII—VIII вв. Возможно предполагать наличие ранних вятических племен и в верховьях Дона, хотя, как думает П. Н. Третьяков, время появления этих памятников не нашло своего окончательного решения²⁴. Следовательно, возможность поисков славянских памятников VII—X вв. в Рязанском Подонье имеется, и она теперь еще более подтверждается найденными круговыми планами селений по Дону, в Рязанской области.

Второй вопрос, связанный с этой территорией,— это вопрос запустения Рязанской степи в XIV—XVI вв. (набеги ногайцев и крымских татар), когда население южных районов нашей области уходило в леса за Оку.

Обычно основанием для такого мнения служило свидетельство одного из путешественников XIV в. митрополита Пимена, попавшее в Никоновскую летопись²⁵. Он характеризует верхнее Подонье как «край пустыни, где нет ни града, ни села, пустынно все и ненаселено, нигде бо видеть человека». Этот взгляд о запустении Рязанского Подонья после разорения в 1237 г. Батыем города Дубка, известного здесь еще с 1147 г., нашел отражение и у историка Рязанского края Д. И. Иловой-ского в его труде «История Рязанского княжества», и у большинства историков дореволюционного времени. Этого мнения придерживаются и Б. А. Куфтин²⁶. Этнографическое изучение Н. И. Лебедевой бывших южных уездов Рязанской области и Тульской в 1924—1925 гг. привело к убеждению о наличии очажков среди селений государственных крестьян, в материальной культуре которых сохранились старые элементы. Сохранность еще в начале XX в. архаизмов в одежде и постройках этого населения, отличных от других районов области (шुшки, кодманы, самый план жилища), говорила о наличии здесь старого населения, давшего позднее первую волну колонизации в южные степи, оторванного пришлыми поздними волнами от большой группы, ушедшей на юг, сохранившей общие черты в одежде и жилище. Дополнительно подтвердилось это и открытыми нами в архиве круговыми планами. Они размещаются как раз по тем местам, где предполагались остатки населения, еще до нашествия Батыя, жившего здесь, т. е. южнее Прони, около Скопина, по притокам Дона, в глубине лесов и вдали от татарских шляхов.

Представление о южной части Рязанской области как «чисто» степной опровергается данными наших планов XVIII в., по которым мы видим, что в тех местах, где было так называемое «Дикое поле», еще в XVIII в. до 60% площади было занято лесом. По берегам же рек в лесостепной полосе разбросаны были древнерусские селища и городища, удаленные от опасных для населения татарских шляхов, как и т. д.

Третья группа круговых селений располагается на севере Рязанской области в б. Егорьевском уезде и у озер Спас-Клепиковского района.

Н. П. Милонов предполагает, что захождение данного рода памятников за границу указанного треугольника Рязанского княжества безусловно свидетельствует о продвижении вятичей еще в XI—XII вв. за черту своей основной оседлости — на восток и на север, так как известны случаи нахождения курганов с вятическим инвентарем (перстни и другие), например, у дер. Лесное — Ялтуново Конобеевского района на правом (лесном) берегу Цны.

²⁴ П. Н. Третьяков и П. П. Ефименко, Указ. раб., стр. 8.

²⁵ «Русский временник», М., 1870, стр. 243—251.

²⁶ Б. А. Куфтин, Задачи и методы изучения крестьянских жилищ Рязанской области, «Вестник Рязанских краеведов», 1925, № 2, стр. 8.

Однако в литературе существуют и другие мнения. В. А. Городцов, А. А. Спицын, Б. А. Куфтин²⁷ считают, что север Рязанской области связан с расселением кривичей. Малочисленные курганы северных районов области дают сочетание типично кривической культуры с какой-то местной. Круговые планы селений могли быть и у кривичей, поскольку мы их знаем, у радимичей по Сожу, у древлян по Днепру. Этнографический материал, собранный Г. С. Масловой по Спас-Клепиковскому району, характеризует эту часть области как средневеликорусскую, имеющую общие черты с севером Московской, Калининской областей.

Итак, круговые планы являются пережитком, идущим от времен славян, с VII в. н. э. Данных же, позволяющих говорить сейчас об их связи с «дославянским» населением на нашей территории, мы пока не имеем.

Л и н е й н ы е п л а н ы (порядковый — по ряду, рядом). Расположение селений по прямой линии в старых планах мало встречаем, зато встречаем в большом количестве дуговые, кривые, концевые планы поселков.

Примером дугового селения может служить план деревни Титовской 1862 г. (см. рис. 4).

Концевыми селениями мы называем селения, состоящие из двух, трех, четырех улиц, расположенных под углом (см. рис. 2). Название улиц концами очень распространено в нашей области. Этот термин известен в Пскове — в Псковской судной грамоте встречаем кончатских старост. В Рязанской области нередко с отдельными концами поселка связывается помещичье владение крестьянами. Так, в с. Городковичи б. Спасского уезда было три конца и три помещика. Концы отходили от площади, на которой была церковь.

Концевые селения встречаются в двух разновидностях: 1) концы отходят от площади; 2) концы образованы пересечением двух линий. Из первых могли развиваться радиальные планы.

Планы селений, помимо разнообразия своих форм, связанных с историей села и с социально-экономическими отношениями, имеют различия в зависимости от географических условий. По характеру ландшафта Рязанская область может быть разделена на две части: низменную, Мещерскую на севере и Мокшанскую на востоке, и вторую, возвышенную, Рязанскую сторону. Низменности представляют собой равнинную местность, где рельефообразовательным фактором был ветер, перевевший валунные пески и образовавший холмы, покрывшиеся сосновым лесом. Эти песчаные образования вместе с возвышенными берегами рек являются теми сухоходными пространствами, по которым главным образом и ютятся поселки среди крупных лесных «раменных» и болотистых незаселенных пространств и лугов. Поселки расположены группами вокруг центральных селений, приходов, являясь их колониями²⁸.

Вторая часть — Рязанская сторона является возвышенностью по отношению к Мещерской низменности и котловиной по отношению к Среднерусской и Приволжской возвышенностям, окаймляющим ее с запада и востока²⁹.

Главная роль в изменении рельефа этой части нашей области принадлежит оврагам. К югу от Оки всюду овраги³⁰. Только два небольших очажка, где отсутствуют овраги, это пространство между рр. Рано-

²⁷ А. А. Спицын, К истории заселения верхнего Поволжья, Труды Тверского областного арх. съезда, 1903; его же, Владимирские курганы, Изв. Арх. комиссии, вып. 15, 1905, стр. 95, 167—172; В. А. Городцов, Древнейшее население Рязанской области, Изв. II отд. Академии Наук, XIII, 1908.

²⁸ Б. А. Куфтин, Материальная культура русской мещеры, М., 1925, стр. 10.

²⁹ В. П. Семенов, Россия, т. 2, стр. 2.

³⁰ Там же, стр. 17.

вой и Парой и между Истьей и Проней. Ввиду особенностей рельефа местности планы селений могут быть разделены на дюнные, террасовые (с подразделением на расположенные по гребню реки и на овражные) и равнинные.

Дюнные поселения являются наиболее древними, если не говорить о стоянках палеолитических, теперь уже известных на нашей территории. Дюны обитаемы со времен неолита. Но это были еще стоянки, а не оседлые поселки. О более устойчивых селениях можно пока говорить лишь со времени появления земледелия на территории Рязанской области, с эпохи раннего железа.

Дюны левого берега Оки сплошь были обитаемы, начиная с эпохи неолита и до позднего времени. Является ли это свидетельством автономности населения или здесь имеется преимущество в выборе мест поселений и оседание населения на излюбленных местах в силу выгодных природных условий, удовлетворяющих население на данном этапе развития, на этот вопрос пока ответа нет. На дюнах мы встречаем и круговые и линейные поселения. Большое количество круговых селений на дюнах, у озер ставит вопрос о наличии их в ранних культурах еще до нашей эры.

Поселки, расположенные по гребням рек или по оврагам, на мысе, при впадении оврага в реку или при соединении двух оврагов, ведут свое начало со времени городища дьякова типа. По топографии они их напоминают, отсутствует лишь вал. Есть даже одно поселение с валом: это на плане XVIII в. около села Кривель б. Сапожковского уезда, по другую сторону р. Пары. На этом городище имеется ряд строений и небольшая кучка домов поодаль. Городище содержит культурный слой XIV в. Это укрепленная помещичья усадьба? К сожалению, экспликация плана ответа на этот вопрос не дает. Отделение помещичьей усадьбы, стоящей на мысе близ оврагов, от поля малым ровиком с валом вместо ограда, встречалось довольно часто в XIX веке.

Часто встречается, что усадьбы одного и того же села размещены на трех отдельных буграх и каждая часть поселка представляет собой как бы самостоятельное городище, т. е. ограждено с трех сторон естественной защитой в виде глубоких оврагов. Такие планы встречаются как в очень старых селениях (Нармушадь, Тырнова слобода, Чернава, в последней, как известно, церковь существовала с XII в., и др.), так и в южных районах среди помещичьих селений (Луканеток б. Скопинского уезда, Брусок Скопинского уезда, Заболотье, Барятино б. Данковского уезда).

На буграх мы встречаем гнездовые планы (Нармушадь, Мелехово), дуговые (Тырнова слобода, Антоново), причем дуга идет по краю бугра, в других случаях перехватывает бугор в том месте, где обычно бывал вал. Встречаются концевые, линейные планы с положением порядка перпендикулярно или параллельно краю оврага (см. план селения Тырнова слобода). Такое расположение построек по двору городища дает материал археологу для планирования раскопок. Это особенно важно, потому что не всегда выявляются обнажения культурных слоев по краю оврага, а тем более на ровной поверхности. Эти расположения строений дают материал для суждения о более старых и новых частях селения. Перепланировка селения, нанесенная пунктиром, указывает, какие части селения остались незаселенными, и раскопки старой части селения могут дать богатый материал для выяснения вопросов о самих планах жилья. Так, например, вопрос о северновеликорусском, вернее средневеликорусском плане, на территории Рязанской области плохо поддается изучению за отсутствием, вследствие перепланировки селений, старых изб.

Характерной особенностью расположения жилых домов является их положение — окнами к полю, а не к реке и оврагу, а также нередко

размещение к краю оврага хозяйственных построек (с. Городище Рыбновского района).

Когда едешь вечером по Оке на пароходе, резко бросается в глаза отсутствие освещенных окон домов: они обращены в противоположную сторону от реки.

Равнинные селения, расположенные в междуречье рек Пары и Рановой, Истья и Прони, между Тумой и Касимовым, сравнительно поздние по своему происхождению, вытягиваются длинной линией, в один или два порядка, вдоль большой дороги, вдоль реки.

Развитие большого селения шло двумя путями: от центра к концам и от концов к центру.

Большие селения очень часто в своей планировке совмещают соединение нескольких круговых (например, Поляны, Дубровичи), нескольких гнездовых (Воршево, Напольное). Хорошим примером такого соединения является план селения Тырнова слобода (рис. 11). Здесь несколько маленьких, расположенных по луговым линиям поселков помещичьих крестьян, квадраты, обнесенные домами, длинная слобода (улица) казенных крестьян, в центре селения площадь и базар, от них идут концы. Все эти части расположены по отдельным буграм, в осыпях которых видны культурные слои XI в., говорящие о существовании здесь старых поселков. Базарная площадь объединила их в одно селение, она, может быть, и давно была торговым пунктом; на эту мысль наводит положение селения на берегу Оки, по которой шла торговая дорога к древним болгарам, о чем говорят находки арабских монет.

Среди больших селений нужно отметить наличие в большом количестве селений с радиальными планами. Эта радиальность частично сохраняется и при перепланировке селений.

При решении вопроса о происхождении радиальных планов селений необходимо учесть два момента: селение развивается из кругового, расположенного вокруг пашни (Мервино) концентрическими кругами, начало развития которых мы видим в прилагаемом плане с. Карповского; селение развивается из концевой плана, когда концы отходят от центральной площади.

Разобраться в истории развития такого плана селения часто помогают названия его частей, встречаемые на планах. Так в с. Борки Мервинского района одна часть селения называется Селом, а другая Бором, в Путятине группа радиусами отходящих улиц с одной стороны площади, где церковь и базар, называется Селом, а длинная улица в два порядка, примыкающая к селу, называется Мордовский конец (название, наводящее на ряд размышлений, поскольку это территория, где происходила консолидация русских и мордвы в сравнительно недавнее время).

Названия второстепенных улиц: Выдерга (в с. Мурмино), Вылетовка (Борщевое), Бугровка (Загрядчино б. Раненбургского уезда), Заулок, т. е. за улицей (Остромино Рязанского района) или Иванов, Карпов конец и т. п.— указывают на позднее возникновение частей села.

Название «конец» очень распространено в нашей области. Это части села, расположенного вокруг площади; это улицы, принадлежавшие разным помещикам (Тютчев конец, Рюмин конец).

«Порядок» — этим термином называется основная часть селения, основная улица (Д. Хорошевка) или вообще улица (Сапожок порядок в с. Кремлеве, Беломестный порядок в с. Пупки, Загорин порядок в с. Городецком, Ванюков порядок в с. Павелец). Селом в один порядок называются селения, когда дома расположены по одну сторону улицы; в два порядка, когда дома идут по обе стороны улицы. Сам термин «порядок», возможно, возник в противовес старому нелинейному плану

расположения селения, при появлении линейных селений. Большинство помещичьих селений в южных районах нашей области, возникших в XVI в., имеют этот порядковый план.

Рис. 11. План села Тыринова бывш. Спасского уезда, 1882 г. (Рязанский краеведческий музей). Торговое село XIX века, образовавшегося от слияния отдельных бугровых поселков

Слободой называется нередко само селение в целом (Заокская слобода, Рыкова слобода — Солотчинский район). Так называются многочисленные слободы южных городов нашей области, расположенные радиусами вокруг них (вокруг Пронска, Шацка, Михайлова, Кадома, Данкова, Лебедяни), известные под названием Стрелецких, Пушкарских, Солдатских, Беломестных, связанных с мелкими военнослужилыми людьми Московского государства; Плотницких, Ямских, населенных людьми, несущими определенные повинности в пользу государства. Слободой называется и главная улица селения — Красная слобода (с. Загрядчина б. Раненбургского уезда).

Название слободы связывается не только с военнослужилыми людьми, но и с поселениями ремесленного и промыслового населения (Плотницкая слобода у г. Пронска, Рыбацкая слобода в г. Рязани — рыбаки архиерейского дома в XVII в.).

Планы селений Рязанской области отмечают особенности селений по размещению хозяйственных построек в отношении двора, размещению риг, овинов, амбаров, по наличию или отсутствию бань.

По связи жилого помещения с двором, с амбарами мы встречаем два основных типа: средневеликорусский и южновеликорусский типы застройки.

Первый характеризуется перпендикулярным положением избы по отношению к улице, открытым четырехугольным двором, объединяющим в себе амбар, погреб, сарай.

Второй характеризуется параллельным положением избы в отношении улицы, четырехугольным открытым в середине двором, с амбарами, сараями, погребями, мазанками, вынесенными на улицу или позади двора, на огород (рис. 12).

Первый вариант (хозяйственные строения вынесены на улицу) характерен для южных районов области (с. Грачи, Толстые Ольхи, Какуйское, Ухорь). Идя по улице такого села, можно было видеть два ряда строений: избу со двором и параллельно ей на улице мазанку, «кровать», выход, погреб. Встречалась мазанка в виде четырехугольного глинобитного или каменного амбара, «кровать» — плетневое сооружение на помосте, на четырех столбах, с четырехскатной соломенной крышей, служащей для спанья летом. П. П. Семенов³¹ писал о таких же постройках, устраиваемых на сучьях старых ветел, и отождествлял их с шалашами вятичей, живших «на дубах». Встречались выходы-кладушки для добра — полуземлянки со срубом внутри и с двускатной крышей, засыпанной землей, поросшей травой и мелкими березками; по устройству они аналогичны землянкам, найденным при раскопках в Боршеве.

Второй вариант указанных жилых домов с постройками, вынесенными на огороды, встречался в Елатомском районе, в южной части Касимовского (см. план № 12, д. Аниковой) и был распространен по р. Паре до впадения в нее р. Верды.

Границей средневеликорусского и южновеликорусского двора является р. Пра. Встречались селения, где все амбары были вынесены на одно место (Борисловы б. Зарайского уезда).

Хлебные магазины, возникшие в 30-х гг. прошлого столетия, также выносятся на центральную площадь или на выгон (с. Никитское б. Данковского уезда).

Вынесение гумен с овинами или ригами в одно место широко было распространено в нашей области (см. часть плана с. Свинчус, рис. 3). Оно известно в Касимовском уезде (Самойлово, Копнино, Ерахтур, Свинчус, Занутринская слобода, Чисменки, Собакино), в б. Спасском уезде [Фатьяновка (рис. 13) Тырнова слобода], в Зарайском (Бельничичи), в Пронском (Поляны, Семенов) в Рязанском (Долгино, Слепцово, Старое Веселево), в Сапожковском (Максы), в Данковском (Хрущево, Дурневка).

Гумен и овинов гораздо меньше, чем жилых домов. Гумна часто принадлежали складникам: вместе строили овин, вместе им пользовались, вместе, помогая друг другу, молотили. Складниками были не столько родственники, сколько соседи, а то и просто товарищи — «шабры», как их называли в Московской области, в Дмитровском районе (овины шабров приходилось еще наблюдать в 1930 г.).

Вынесение гумен в одно место, складничество при построении овинов, риг, «голока» — взаимопомощь при обмолоте — все это архаизмы, пережитки старых отношений, ведущих свое начало от родовой организации и после разложения родового быта связавшихся с «вервью», «миром» Киевской Руси.

Встречавшиеся примеры вынесения огородов в одно место в сторону от селения (Борки б. Рязанского уезда, Марково Рыбновского района), — возможно, также пережиток тех же отношений.

³¹ В. П. Семенов, Россия, т. 2, стр. 53.

Составители планов страхового отдела Рязанского губернского земства, имея в виду оценку страховых премий в связи с опасностью пожаров, обратили внимание на бани, а этим дали нам ценнейший материал. Бани встречались не у всех групп восточных славян. Киевская Русь бани знала: всем известен рассказ о казни древлянских посланцев Ольгой в бане. Бани широко были распространены по Днепру, Сожу, Ловати, вокруг Новгорода, на севере по путям новгородской колонизации и шли с этой колонизацией в Сибирь (Тюмень). Бань совсем не

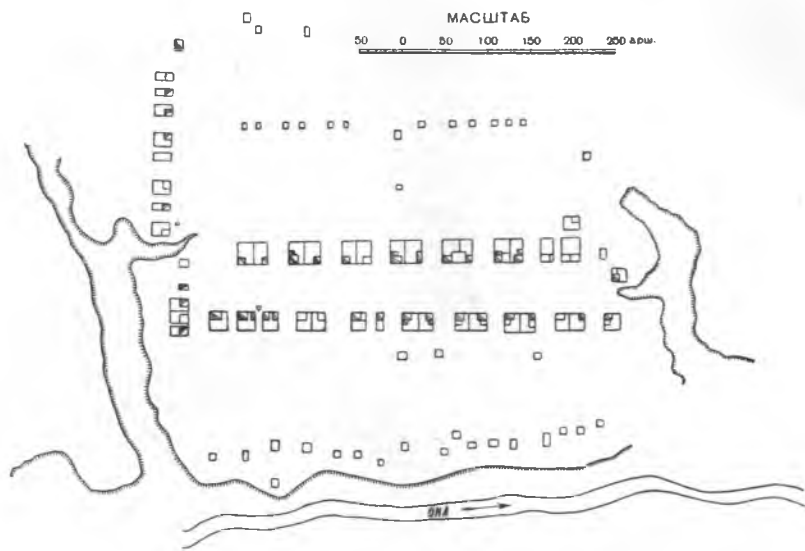

Рис. 12. План деревни Аниковой бывш. Касимовского уезда, 1903 г. (Рязанский краеведческий музей). Один из вариантов южновеликорусского типа поселений. До переустройства по плану 1876 г. был из трех концов

было в Мозырщине (БССР), в Брянском и Калужском полесье, в Орловской и южной части Тульской области. В Рязанской области бани в одних местах встречались, а в других нет.

Составленная карта распространения бань по области намечает территорию их распространения к северу от р. Пры и на восток от р. Рановой. На севере территория распространения бань совпадает со средневеликорусским планом жилища и двора, а также с особым вариантом южновеликорусского костюма. Обычно считали бани результатом культурного влияния Византии, основываясь на территории их распространения по Великому водному пути «из Варяг в Греки». А. П. Смирнов в своей работе «Древняя история чувашского народа» говорит о наличии бань у чувашей, отмечает наличие общественных бань в Болгарах, считает, что они были принесены от арабов, заимствовавших их от Византии³².

Мы думаем, что бани — местного происхождения. Как строения они глубокими корнями связаны с нашими избами (печь — каменка; план бани), с элементами жилища, встречаемыми в раскопках селищ XI—XII вв.

Наличие или отсутствие бань говорит о двух этнокультурных комплексах на нашей территории.

³² А. П. Смирнов, Древняя история чувашского народа, Чебоксары, 1948,

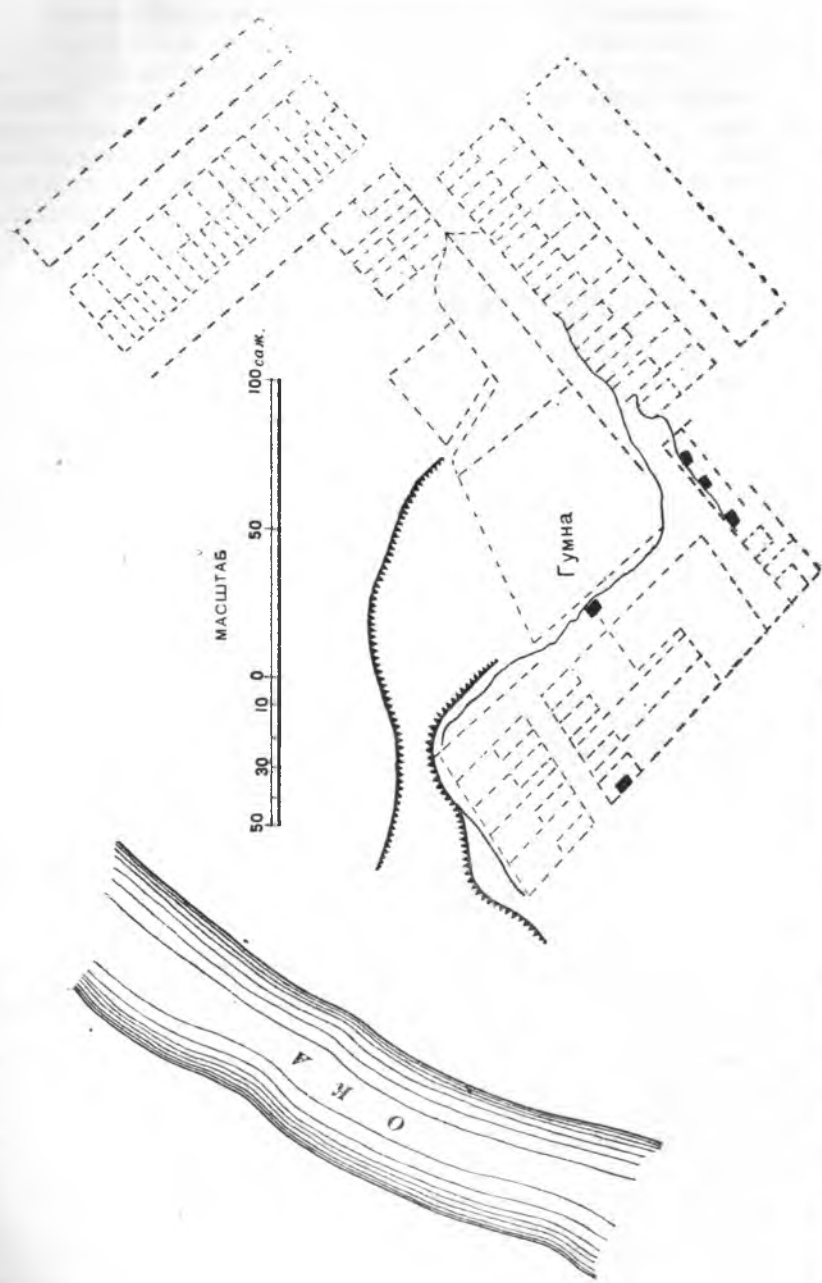

Рис. 13. План села Фатьяновка бывш. Спасского уезда, 1874 г. (Рязанский краеведческий музей). Риги вынесены в одно место

Бани строились так же, как и овины, складниками. Ставили их группами у пруда (Прасковинские выселки б. Сапожковского уезда), на огородах (Максы б. Сапожковского уезда).

В исследованных нами архивных документальных планах селений имеются сведения относительно названий рек, урочищ, оврагов, ручьев и др. Название местных рек, урочищ, ручьев непосредственно связано с каждым селением и является важным материалом, могущим пролить свет на этногенез рязанцев.

Вся топонимика, встречающаяся на нашей территории, резко разделяется на чисто русскую и общую с восточными финнами.

Русские названия в большом количестве связаны с обилием леса, с лесным хозяйством³³, например: «Просинка» — просека; «прочисти» — расчищенный лес; «Повалушка» — поваленный лес; «Сечи» — вырубленный лес, старинное слово сечь — рубить; «Погарище» — сгорелый, выжженный лес; «Мостище» — мост через трясины; «Осинник» — осиновый лес (Хрущево Старожиловского района), речка Березовка (Глебово, Астромино Рязанского района); «Варановка» — от ворона (южнорусское аканье); «кулиги» — птички; «Пасеки» — пасека, речка Бобровка (Храпово Рязанского района); «Комариное болото» (Рыбное Рыбновского района и в Чапаевском районе). Все эти названия связываются с лесом, хотя его давно уже нет. Карта (схема) движения леса на степь, составленная П. П. Семеновым³⁴, показывает, что весь юг нашей области был покрыт лесом, лес шел вдоль рек; было два степных района — это Половецкое поле — южнее р. Прони, где у с. Арцыбашева была раскопана в конце прошлого столетия могила «всадника», которая, по определению В. А. Городцова, относится к XI в., и Рясское поле (село Рясы, Шелуховский район).

В наши дни осуществляется великий Сталинский план преобразования природы; создаются мощные лесозащитные полосы, строятся величайшие в мире по своей мощности Сталинградская, Куйбышевская гидроэлектростанции, прорываются грандиозные каналы для обводнения засушливых земель, совершенно преобразуется и изменяется лицо земли. Наряду с этим внедрение в практику травопольных севооборотов неизмеримо повысит урожайность хлебов.

Документальные данные в виде исторической справки о природных условиях и о развитии поселков в прошлом, связанные теперь с выбором места для лесопосадок в юго-восточной части Рязанской области, могут оказать пользу в деле составления микрокарт в районе новых лесонасаждений.

Есть названия, связанные с промыслами местного населения, с добычей и использованием естественных богатств края. Название ручья Ржавец (Сысоево Рязанского района, Городецкое Старожиловского района, Рождественское Скопинского района и Алексеевское Чапаевского района) говорит о выходе болотной железной руды, которая со времен городищ дьякова типа использовалась для выработки железных изделий. Урочище Кузнецы говорит о наличии здесь мастеров этого дела (Хрущево Старожиловского района). Название Глинные ямы (Можарского района) связано с гончарством и т. д.

Русские названия охватывают всю территорию, поскольку в настоящее время вся область чисто русская, за исключением небольшого числа татар и мордвы; русские названия господствуют целиком, не перемеживаясь с другими южнее р. Прони и западнее Пары. К северу от р. Пры и к востоку от Пары много нерусских названий: овраг Шимашкур (Мелехово Чучковского района), Курша (река и селение, целый район); урочище Ванхор (Пуятинского района), Мутор, Унгарь (селение Унгарь позднее называется от реки), Нарма (селение), ручей Хайда (с. Астромино Рязанского района), лощина Эндова (с. Астромино Рязанского района), с. Можары, районный центр.

В курсах исторических географий Любавского, Середонина, Кузнецова, а также Иловайским, Ключевским поднимался вопрос о значении этих названий; их относили к мерянским, мешчерским, марийским и мордовским. Б. А. Куфтин³⁵ склонен был считать их эрзянскими, переводя

³³ Ф. П. Саваринский, «О географических названиях Тульской губернии в связи с почвенными данными», Труды Тульской арх. ученой комиссии, вып. 2, 1914 — июль 1915 г., стр. 133.

³⁴ В. П. Семенов, Россия, т. 2, стр. 53.

³⁵ Б. А. Куфтин, Материальная культура русской мешеды стр. 14.

название с. Пекселы — большой вяз, Салаур — большой лес, р. Пра — голова, р. Польш — кайма, край, и поддерживал мнение Шахматова о происхождении названия Рязани от слова «Эрзянь».

Весь этот материал подлежит изучению лингвистами и картографированию. Микрокарты прольют свет на далекое прошлое края, пойдут к тем временам, когда складывались славянские и восточнофинские языки и вместе с археологическими материалами и архаизмами — пережитками в области материальной и духовной культуры — помогут разрешению вопроса об этногенезе рязанцев.

При этом указания, данные И. В. Сталиным в его новом гениальном труде «Относительно марксизма в языкознании», о том, что «язык... является продуктом целого ряда эпох, на протяжении которых он оформляется, обогащается, развивается, шлифуется»³⁶, служат той основой, на которой зиждется и изучение общерусской топонимики, связанной с названием рек, поселков, угодий, урочищ.

Рассмотрев планы селений в их основных вариантах в отношении происхождения и развития их в историческом прошлом, мы приходим к ряду выводов.

1. План селения XVIII—XIX вв. — сложный конгломерат прожитого времени, ярчайшая иллюстрация ушедших социально-экономических отношений. Даже при первичном анализе всех материалов, относящихся к этим темам, мы обнаруживаем остатки древнерусской верви (круговые планы; вынесение отдельно от усадьбы скотных дворов, амбаров, риг, овинов; складничество; толока), т. е. той сельской общины, которая выросла, по Марксу и Энгельсу, из патриархальной семьи, которая является последним словом архаической общественной формации, переходной фазой ко «вторичной формации», к обществу, покоящемуся на рабстве и крепостничестве³⁷. Изменения планов поселков связаны с изменением в социально-экономической жизни населения, поэтому на планах видны картины феодальной Руси, помещичьих усадеб, занимающих часто гораздо большую территорию, чем целая деревня крепостных, на труде которых зиждилось все их благополучие (дома — жилье дворовых, без хозяйственных построек). На планах отразилось и разложение феодализма и внедрение в деревню купцов, мещан, разночинцев, рост торговых сел; этот процесс замечен уже на планах, относящихся ко второй половине XVIII в. и к первой, а особенно ко второй половине XIX века.

Изданный альбом этих планов мог бы служить иллюстрацией для истории ряда веков; многие из этих планов могут быть использованы в музейных экспозициях и в пособиях для школ, в частности планы, отражающие классовое расслоение деревни в XIX веке.

2. Зависимость плана селения и хозяйства от географических условий была гораздо меньшей, чем это было принято думать. Это особенно ярко видно на гнездовых, радиальных планах, отражающих социально-экономическую, классовую дифференциацию села в XVIII—XIX веках.

3. Одна форма поселения без анализа социально-экономических отношений, без связи с географической средой в древние времена и без датировки во времени ничего не говорит. Только характеристика плана по трем показателям (форма, социально-экономические отношения, географическая среда) дает результат. Это мы видим как на гнездовых, так и на круговых планах.

Гнездовой план селения — пережиток родовых отношений, и его расположение на бугре уводит нас ко времени древнейших поселений (не позже раннего железного века).

³⁶ И. Сталин. Относительно марксизма в языкознании, изд. «Правда», 1950, стр. 7.
³⁷ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. XXVII, стр. 694—696.

Гнездовой план однодворческих селений, частично расположенный по оврагам, но чаще по равнинам (поскольку это связывается с освоением больших пахотных пространств) характеризует пути т. н. московской колонизации южной части Рязанской области и объясняет тип однодворческого двора, «двора-крепости», существование которого мало было понятно при нахождении его в перепланированном в одну линию селении (двор Уколова, с. Сурки Данковского уезда, 1924).

Наличие круговых сел на дюнах наводит на мысль о необходимости археологических дополнительных исследований, которые могут вскрыть существование круговых поселков в период до городищ дьякова типа.

Круговые поселения вокруг пашни характеризуют большое сосредоточение на нашей территории в XI—XIII вв. населения, связанного с сельским хозяйством.

Радиальные планы городов XVI в. южной окраины (Рязанское Подонье) говорят о том строительстве, которое вело Московское государство при охране своих южных границ. Радиальные планы селений конца XVIII—XIX вв. фиксируют роль торговых пунктов, рост крупных хлебных рынков в черноземной полосе нашей области (Ухолово).

4. Детальное изучение планов селений в связи с историей каждого из них, в связи с археологическими и лингвистическими данными может быть ценнейшим материалом для этногенезиса рязанцев.

5. Планы характеризуют в этнографическом отношении Рязанскую область в конце XIX в. как область южновеликорусскую и средневеликорусскую, помогают наметить границу между этими двумя группами русского населения по р. Пре. Оставшиеся незастроенными места после перепланировки изб являются в наиболее старых селениях в известной мере археологическим памятником, изучение которого может вскрыть генезис средневеликорусского плана избы, поскольку он до сих пор еще этнографами не выявлен.

Перепланировка селений в конце XIX в. создала большую нивелировку их, внося линейность, но сохранила площади и круговое расположение домов вокруг них, как бы признав за ними «права гражданства».

Перепланировка селений создала индивидуальные усадьбы, объединила их со всеми хозяйственными постройками; тем самым осуществлена была тенденция того времени — создание индивидуальных мелких хозяйств.

В XX в. столыпинской реформой о хуторском хозяйстве, стремившейся усилить капитализацию русской деревни, были созданы хутора, но их в Рязанской области было так мало, что они почти не изменили картины области (материал по ним имеется в областном архиве).

Великая Октябрьская социалистическая революция внесла большие изменения в планы селений. Коллективизация сельского хозяйства резко изменила весь облик деревни. Подходя к любой современной деревне, мы видим коллективное хозяйство: большие скотные дворы, зернохранилища, овощехранилища, вынесенные часто на простор, на выгоны, и др.

В настоящее время мы стоим перед новой фазой планировки наших селений в связи с укрупнением колхозов и созданием агрогородов. Неплохо было бы, чтобы землестроители при создании новых агрогородов зафиксировали бы планы существующих селений. Это будет документом проведенного грандиозного социалистического переустройства жизни деревни, идущей по новому, социалистическому пути.

«...Народу русскому дороги не заказаны, пред ним широкий путь»

СПИСОК КРУГОВЫХ СЕЛЕНИЙ, НАНЕСЕННЫХ НА КАРТУ
РЯЗАНСКОЙ ОБЛАСТИ

1. Курапово	59. Кремлево
2. Ершово	60. Мшанка
3. Заднее Пилево	61. Вослєбово
4. Потапово	62. Липяги
5. Лысово	63. Борщєво
6. Бусаєво	64. Павловское
7. Гришино	65. Богородицкое (Черные курганы)
8. Новоселки	66. Чернава
9. Полково	67. Секирино
10. Поляны	68. Чулково
11. Дубровичи	69. Поляны
12. Долгинино	70. Городецкое
13. Мурмино	71. Журавинка
14. Вышгород	72. Милославское
15. Сумбулово	73. Мураєвня
16. Гавердово	74. Избищи
17. Половское	75. Ягодное
18. Агламазово	76. Домачи
19. Красильники	77. Колодези
20. Троица-Поляница	78. Вязовенка
21. Степановское	79. Измайловка
22. Перевлес	80. Ярославы
23. Коростово	81. Теплое
24. Житово	82. Круглое
25. Жолчино	83. Зашєво
26. Бахмачєво	84. Хрущєво
27. Мервино	85. Ивановка
28. Подлесное	86. Софьинка
29. Лямино	87. Большие Избищи
30. Дербєнь	88. Крутое
31. Плахино	89. Пупки
32. Пупкино	90. Колыбельское
33. Рожок	91. Пронск
34. Екимовка (погост)	92. Бєстужєво
35. Мордасово	93. Смыглово
36. Романщєво	94. Столбцы
37. Ялтуново	95. Фролово
38. Захарово	96. Мосалово
39. Осово	97. Шелухово
40. Хавердово	98. Дмитриєвка
41. Студенец	99. Смыково
42. Троицкое	100. Коровка
43. Тырново	101. Еголдаєво
44. Долматово	102. Ухолово
45. Карповское	103. Норовка
46. Хрущєво	104. Кисєлево
47. Тырново	105. Китово
48. Никитское	106. Погост
49. Букрино	107. Даньково
50. Старожилково	108. Ерахтур
51. Чулково	109. Копоново
52. Красное	110. Тырнова слобода
53. Яблоново	111. Лубонос
54. Печерники	112. Чучково
55. Семеновское	113. Остропластиково
56. Высокое	114. Клетино
57. Горлово	115. Лаптево
58. Рудинка	

Примечание: Нанесенные на карту №№ 116—123 в настоящее время к Рязанской области не относятся.